

НА СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ—

ОЛЕГ ЖАКОВ

...А В ЖИЗНИ он совсем такой же, как на экране. Вот только голова стала совершенно белой, и, как бывает со всеми завзятыми охотниками и рыбаками, солнце основательно выдубило кожу его лица и рук. Но по-прежнему взгляд его светло-голубых, прозрачных глаз пронзительно остр и их характерное помаргивание напоминает, что перед вами все тот же Жакow, которого мы видели на экране и сорок, и тридцать, и десять лет назад, а может, только вчера.

Сейчас он снимается в картине «Миссия в Кабуле» в роли Петра Сорокина, возглавившего по заданию В. И. Ленина одно из первых советских посольств в сопредельном восточном государстве. На несколько дней ленфильмовская группа приехала «на натуру» в Таджикистан. Здесь и удалось побеседовать с Жаковым.

— Ваши герои — латыши, карелы, поляки, украинцы, русские, немцы, недавно к ним прибавился папаша Черви из итальянского фильма «Семь братьев Черви». Как образовался этот «интернационал»?

— Произошло это совершенно случайно.

Прогрессивные работники западного кинематографа лихорадочно ищут выхода из того тупика, в котором находится сейчас их искусство. Мы, советские кинематографисты, работаем над образами наших советских людей, стремимся раскрыть их лучшие человеческие качества, создаем образ Человека с большой буквы. Порой кажется, что мы слишком много дискутируем на тему, каким должен быть наш герой. Ведь герои-то живут рядом с нами! В каждой газете мы можем найти рассказ о наших замечательных людях, об их делах, мыслях. Героев надо видеть, а не выдумывать, как это бывает в некоторых наших сценариях и картинах.

Что касается итальянского фильма, мне играть было очень трудно. И даже не в незнании языка дело, хотя и это существенно, а в том,

что у итальянцев свои принципы актерской игры, совсем другой ритм. Первое время не ладилось. Я был сдержан, даже чересчур, а вокруг все жестикуют, бушевали страсти, и тогда я сказал себе: «Разве не ты тут глава семейства? А ну...» И показал, на что способен папаша Черви. Мои партнеры даже удивились. «О, синьор Жаков! У вас итальянский темперамент», — сказал режиссер Джанни Пуччини. И дело пошло.

Впрочем, в каких бы фильмах мне ни приходилось сниматься — а я снимался во многих, — я знаю одно: надо играть! Ведь я актер-профессионал...

Рядом хочется видеть таких актеров, у которых есть чему поучиться. Дело не в именах. Должен быть слаженный актерский ансамбль, в котором все исполнители объединены единым творческим заданием. По-моему, в этой работе режиссера с актерами, в основном, и заключается.

Получив приглашение сниматься в фильме, прежде всего думаю, играл ли я такой характер когда-нибудь или нет. А потом стараюсь примерить к себе его поступки, согласовать написанное с моими внутренними желаниями. Если я делал уже такой образ, то зачем его повторять? И только в том случае, если он мне импонирует, я могу дать утвердительный ответ.

— Вы никогда не играли в театре. Хотелось ли вам когда-нибудь участвовать в театральном спектакле? Или самому поставить фильм?

— Мне часто приходится слышать о чувствах, вызываемых у актера непосредственным общением со зрителем в театре, на эстраде и т. д. Я не испытывал их — может, это к лучшему, а может, к худшему. Не знаю. Есть киноактеры, которые с большим успехом выступают в театре и на эстраде. А как быть мне? Знаю как: играть в кино!

— Вы участвовали в экранизациях известных литературных произведений. В спо-

ре о том, как следует экранизировать сегодня классику, что бы вы хотели сказать?

— Литература и кино — разные искусства. Для кинематографа надо писать специальные сценарии с учетом его специфики. Глубоко убежден — не всякое литературное произведение можно экранизировать. И чем оно самостоятельнее, тем труднее перевести его на язык другого искусства.

При экранизации прозаического произведения итальянцы (и французы тоже) привлекают для написания сценария группу писателей. Не знаю, каким они руководствуются принципом. Возможно, для осуществления творческого спора. Там, где несколько авторов, неизбежны дискуссии. В споре же рождается истина.

— В двух ваших последних работах — ученый Бармин из фильма «У озера» С. Герасимова и писатель из картины «Король гор и другие» Б. Долина — есть нечто общее: и тот, и другой герои выступают активными защитниками природы, стремятся оградить ее красоту от бессмысленного разрушения. Очевидно, это не случайно?

— В одном интервью Сергей Герасимов сказал, что пригласил меня сниматься в роли Бармина именно потому, что знает мое отношение к природе. Нам было легко работать, мы понимали друг друга. То же было и с картиной Бориса Долина.

Сказать, что я люблю природу, мало, я живу ею. Поэтому внимательно слежу за дискуссиями в печати по поводу уничтожения лесов и загрязнения водоемов. Это проблема сложная, всеобщая...

...Стоило заговорить о самом, видимо, для Жакова сокровенном — о природе, он встал и начал ходить взад-вперед по гостиничному номеру. И вспомнились слова его, сказанные накануне: «Сыграть можно роль, когда поймешь ее, сумеешь подчинить своему пониманию. А для этого я спешу к реке на рыбную ловлю или в лес на охоту. Здесь, говоря высокопарно, муза вдруг и посетит тебя...»

К. ЛЯСКО